

маской отказа от похвалы». Карамзин на уровне формальной обработки иронизирует над традицией похвалы по принуждению, над ее представителями и ее объектом (как субъектом принуждения). При этом в первых двух строфах ирония остается мягкой, игривой, а в третьей становится при всей своей сдержанности более критической. Ведь в третьей строфе наминается о том, что похвала зависит от собственных дел Екатерины II, то есть дела императрицы становятся, так сказать, ее «индикатором восхваляемости».

Поэтому, кажется, основу карамзинского творчества можно охарактеризовать не столько и только лотмановским диагнозом «эстетика отказов», а более точным термином «эстетика экспериментов» (или «эстетика опытов»). Употребляя в качестве отправной точки главные структурные, тематические и отчасти лексические характеристики классических жанров, Карамзин как бы полукритически, полуигриво освещает внутренние композиционные принципы этих жанров и открывает новые возможности выражать оттенки и оценки. В этом новом, сложном значении и состоит собственный смысл стихотворений. То, что здесь было продемонстрировано на примере всего лишь двух стихотворений раннего Карамзина представляется особенно наглядным образцом имплицитной аргументации. Подобные подтексты, однако, присутствуют в его стихотворениях сплошь и рядом⁴¹ и нередко могут быть истолкованы только с помощью анализа формально-структурных элементов.

У Карамзина еще нет полисемического слова с множеством, по выражению Гуковского, ассоциативных «ореолов», перекликающихся с другими такими словами и их «ореолами» в данном стихотворении, как позже появится в привычной нам с тех пор «новой системе поэтики» Жуковского и Батюшкова.⁴² Слово у Карамзина классицистически однозначно. Однако им совершается сдвиг внутри риторической традиции литературы XVIII в. Если карамзинское слово имеет свое ясно ограниченное, общепонятное значение, то его роль в *контексте* целого произведения как высказывания может быть крайне сложной. У него, как правило, есть своя внутренняя риторическая функция, то есть слово используется для специфических аргументационных целей, часто не совпадающих с его буквальным смыслом или не исчерпывающихся им. Таким образом, не многозначность, а многофункциональность слова в рито-

---

⁴¹ Как например показывает В. Э. Вацуро, стихотворение Карамзина «К бедному поэту» (1796) основано на «своеобразном внутреннем диалогизме» и наполнено «иронией полемического парадокса» (Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 79). А. Эббингхаус обнаруживает «скрытый подтекст» и «имплицитное значение» в «Песни Вакху» из повести «Афинская жизнь» (1793) (Ebbinghaus A. Образ Бахуса в контексте русской культуры XVIII—начала XIX века // Klein J., Dixon S., Fraanje M. [eds]. Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln et al., 2001. P. 192).

⁴² Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 89, 104—105.